
Законъ о старообрядческихъ общинахъ въ связи съ отношеніемъ Церкви и Государства.

(Продолженіе).

Образованная Государственной Думой Коммиссія по старообрядческимъ вопросамъ, по ея собственному объясненію, въ общемъ согласилась съ правительственнымъ проектомъ, и внесла въ него лишь нѣкоторыя измѣненія.

Коммиссія осталась недовольной редакціей I ст. министерскаго законопроекта, гдѣ сказано только о предоставленіи старообрядцамъ свободнаго исповѣданія вѣры. Она внесла въ эту статью прибавку о предоставленіи и свободнаго проповѣданія вѣры, подразумевая, что оно допускается какъ среди старообрядцевъ, такъ и лицъ другихъ вѣръ.

Коммиссія Г. Думы не согласилась затѣмъ съ установленіемъ наименьшаго числа членовъ для открытія общины въ 50 человекъ. Имѣя въ виду, какъ она объясняетъ, крайнюю разбросанность и малочисленность многихъ старообрядческихъ группъ, коммиссія нашла нужнымъ понизить эту норму до 12 человекъ, справедливо замѣтивъ, что и самъ Министръ Вн. Дѣлъ для образованія инославныхъ и иновѣрныхъ обществъ считаетъ достаточнымъ заявленіе 10 лицъ.

Коммиссія отвергла разрѣшительный порядокъ образованія старообрядческихъ общинъ и ввела въ законъ явочный, справедливо указавъ, что онъ требуется въ видахъ болѣе полнаго осуществленія свободы совѣсти. Поэтому коммиссія исключила изъ 9 ст. выраженіе, что „губернское или областное правленіе разрѣшаетъ образованіе общины или отказываетъ въ немъ“. Въмѣсто включенія дѣль о старообрядческихъ общинахъ въ кругъ вѣдомства губернскихъ или

областныхъ правленій комиссія признала почему-то болѣе соотвѣтственнымъ передать ихъ въ подлежащія присутствія по дѣламъ объ обществахъ.

Министерство въ своемъ проектѣ обошло вопросъ о старообрядческихъ сѣздахъ, но комиссія прибавила въ проектѣ 18 статью, по которой старообрядческія общины могутъ объединяться въ сѣзды по каждому отдѣльному вѣроученію или согласію на основаніи особыхъ правилъ, утверждаемыхъ Министерствомъ Вн. Дѣлъ.

По вопросу о духовныхъ лицахъ комиссія, „идя на встрѣчу желанію старообрядцевъ, пріемлющихъ священство“, признала возможнымъ присвоить ихъ духовнымъ лицамъ наименование „священнослужители по старообрядчеству“ и ввела этотъ терминъ въ самый законъ.

Соглашаясь, что на духовныхъ лицъ должно быть возложено веденіе актовъ гражданскаго состоянія и доставленіе выписей о лицахъ, подлежащихъ призыву на военную службу, комиссія рѣшила однако сократить указанныя въ проектѣ закона условія, препятствующія избранію въ духовныя должности, и свело почти къ нулю участіе въ этомъ правительственной власти.

Изъ числа условій, препятствующихъ избранію, комиссія исключила удаленіе изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по ихъ приговорамъ. Выраженіе въ проектѣ закона „подвергшіеся суду“, она замѣнила „приговоренные судомъ“, при чемъ добавила, что состояніе подъ слѣдствіемъ или судомъ, а также присужденіе къ наказанію за дѣянія религіознаго характера по проповѣданію и оказательству своего вѣроученія или согласія не составляютъ препятствія къ занятію должностей священнослужителя по старообрядчеству настоятеля, наставника и иного духовнаго лица. Но вмѣстѣ съ этимъ комиссія ввела въ законъ новое условіе, препятствующее избранію, пребываніе въ иностранномъ подданствѣ.

Относительно участія въ избраніи духовныхъ лицъ правительственной власти комиссія измѣнила порядокъ, предложенный Министерствомъ, по которому губернаторы провѣряютъ правильность произведенныхъ выборовъ и извѣщаютъ согласіе на избраніе. Комиссія установила, что губернское или областное правленіе или градоначальникъ

прежде распоряженія о внесеніи избранныхъ въ реестръ провѣряютъ правильность выборовъ только въ случаѣ поступленія жалобъ на выборы.

Предоставленіе по Министерскому проекту внесеннымъ въ реестръ старообрядческимъ духовнымъ лицамъ освобожденія отъ воинской повинности комиссія распространила и на лицъ, принявшихъ монашество не ранѣе 30 лѣтъ, пока они состоятъ въ монашествѣ. Признавая, что виды на жительство должны выдаваться духовнымъ лицамъ изъ губернскаго правленія или градоначальства, комиссія добавила къ этому, что эти лица могутъ оставаться въ тѣхъ обществахъ, къ которымъ принадлежать, съ сохраненіемъ всѣхъ правъ и обязанностей за исключеніемъ избранія на общественныя должности.

Относительно веденія общинами актовъ гражданскаго состоянія комиссія нашла, что въ общинахъ, не приѣмлющихъ священства, веденіе это по постановленіямъ общихъ собраній можетъ быть возлагаемо не только на особыхъ старостъ, какъ сказано въ проектѣ Министерства, но и передаваемо въ мѣстныя общественныя учрежденія. Пользуясь указанными въ правительственномъ проектѣ о сектантскихъ общинахъ правилами о веденіи книгъ сектантами, не признающими духовныхъ лицъ, комиссія установила правила веденія книгъ гражданскаго состоянія старообрядцевъ при общественныхъ учрежденіяхъ.

По вопросу о сооруженіи зданій для молитвы въ случаѣ несогласія мѣстной власти на постройку комиссія предоставила право переноса дѣла на разрѣшеніе Министерства Вн. Дѣлъ.

При закрытіи общины комиссія ввела различіе нарушенія общиной правилъ ея дѣятельности и совершенія ею преступнаго дѣянія. Въ первомъ случаѣ подлежащая власть требуетъ въ назначенный срокъ устраненія допущенныхъ неправильностей. При неисполненіи этого она поступаетъ, какъ и во второмъ случаѣ, т. е. вправѣ предложить о закрытіи общины и, лишь признавъ необходимымъ, можетъ одновременно приостановить ея дѣятельность. Временное завѣдываніе дѣлами общины при ея приостановкѣ по распоряженію власти передается совѣту ближайшей общины послѣдователей того же вѣроученія. Несмотря на закрытіе или приостановленіе дѣятельности

общины принадлежащія ей храмы, молитвенные дома, часовни, скиты, обители, просвѣтительныя и благотворительныя заведенія, по проекту комиссіи Г. Думы, не должны подлежать закрытію, а передаются въ завѣдываніе ближайшей общины того же вѣроученія или согласія. При отсутствіи заранѣе установленнаго назначенія имущества на случай прекращенія дѣятельности общины комиссія нашла, что при добровольномъ закрытіи или по несоблюденію правилъ, опредѣляющихъ порядокъ и условія ея дѣятельности, подлежащія власти разрѣшаютъ бывшимъ членамъ закрытой общины созвать собраніе для опредѣленія назначенія имущества. При безуспѣшности собранія или по незаконности его постановленій имущество общины за удовлетвореніемъ ея долговъ передается ближайшей общинѣ того же вѣроученія. Если же закрытіе общины послѣдуетъ по какимъ-либо другимъ причинамъ, то имущество по удовлетвореніи долговъ передается ближайшей общинѣ того же вѣроученія или согласія, и только при отказѣ или отсутствіи такихъ общинъ поступаетъ въ распоряженіе правительства.

Желая вообще предоставить старообрядческимъ общинамъ возможно больше всякихъ правъ, комиссія дошла въ этомъ до того, что въ 13 статью Министерскаго проекта, касающагося устройства религіозной жизни старообрядцевъ, внесла добавленіе, относящееся уже къ другой области жизни, о правѣ общинъ образовывать ссудо-сберегательныя и торгово-промышленныя товарищества. Этой щедростію комиссія привела въ смущеніе, повидимому, даже самихъ старообрядцевъ, которые съ своей стороны просили объ исключеніи изъ закона этого страннаго добавленія ¹⁾. Но Г. Дума не вняла этому справедливому ходатайству старообрядцевъ. Она согласилась съ своей комиссіей, и такимъ образомъ нашла, что старообрядческимъ религіознымъ общинамъ свойственно заниматься также финансовыми и торгово-промышленными операціями ²⁾.

Упомянутіе въ законопроектѣ министерства о правѣ иска

---

¹⁾ Желательныя поправки къ законопроекту о старообрядческихъ общинахъ Старообрядческой Комиссіи назначенной ихъ освященнымъ соборомъ

²⁾ Стенографическій Отчетъ Г. Думы 113 засѣданіе, 15 мая 1909 г., стр. 1412

членовъ общины въ случаѣ нарушенія общимъ собраніемъ ихъ гражданскихъ правъ комиссія исключила, потому что право это, по ея мнѣнію, принадлежитъ каждому гражданину, и въ специальномъ упоминаніи о немъ нѣтъ надобности ¹⁾.

Со всѣми этими дополненіями и поправками Комиссіи по старообрядческому вопросу проектъ Министерства Вн. Дѣлъ о старообрядческихъ общинахъ 15 мая 1909 года былъ принятъ Государственной Думой ²⁾.

Обращаясь наконецъ къ отдѣльнымъ статьямъ особаго закона о старообрядческихъ общинахъ, которымъ законодатели желаютъ выдѣлить старообрядчество отъ другихъ сектантовъ, естественно ожидать прежде всего найти въ законѣ опредѣленіе старообрядчества, которымъ можно было бы руководиться при примѣненіи закона къ тѣмъ или другимъ религіознымъ обществамъ. Сдѣлать это было тѣмъ необходимѣе, что старообрядчество, какъ мы видѣли, разбилось на разнообразныя толки, изъ которыхъ многіе совершенно отвергаютъ другъ друга и очень далеко ушли даже отъ первыхъ старообрядцевъ, отдѣлившись отъ Церкви. При такихъ условіяхъ подъ вывѣской старообрядчества легко можетъ проходить немало разныхъ сектъ, чего, очевидно, желали избѣгнуть и сами сочинители закона. Но попытки найти въ составленномъ министерствомъ и принятомъ Г. Думой законѣ ясныя для cadaго указанія, чтобы разобраться въ основномъ вопросѣ закона,—къ кому онъ примѣнимъ, оказываются напрасными. Никакого разъясненія, что такое старообрядческая община и въ чемъ ея отличіе отъ сектантской, законъ не даетъ.

Правда, во 2 статьѣ Положенія о старообрядческихъ общинахъ законъ какъ-будто пытается опредѣлить то, что онъ долженъ регулировать, и говоритъ, что „старообрядческой общиной считается общество одного и того же вѣроученія, имѣющее цѣлью удовлетвореніе религіозныхъ, нравственныхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ потребностей его членовъ, собирающихся для общей молитвы въ храмъ,

¹⁾ Докладъ Г. Думѣ комиссіи по старообрядческимъ вопросамъ по внесенному Министерствомъ Вн. Д. законопроекту о старообрядческихъ общинахъ (Представленіе отъ 20 февраля 1907 года № 4793).

²⁾ Стенографическій отчетъ Г. Думы 113 засѣданіе, 15 мая 1909 года

молитвенномъ домѣ или иномъ предназначенномъ для сего помѣщеніи“.

Но, если въ это опредѣленіе поставить вмѣсто слова „старообрядческая“ названіе любой сектантской и даже нехристіанской общины, оно окажется вполне подходящимъ и для нихъ. Вѣдь, наприм. и магометанской и каждой другой религіозной общиной является общество одного и того же вѣроученія, имѣющее цѣлью удовлетвореніе религіозныхъ, нравственныхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ потребностей его членовъ, собирающихся для общей молитвы въ предназначенномъ для сего помѣщеніи.

Хорошо же нужно для особаго закона опредѣленіе старообрядчества! Очевидно, оно погрѣшаетъ въ логическомъ отношеніи, не указывая самаго важнаго, того, что называется въ логикѣ существенными признаками понятія, т. е. въ данномъ случаѣ старообрядчества. Съ упущеніемъ же существенныхъ признаковъ понятія, опредѣленіе его, естественно, становится слишкомъ широкимъ и ничего не разъясняетъ. Замѣчательно, что опредѣлить самихъ себя, повидимому, не смогли даже сами старообрядцы, въ лицѣ VIII Всероссийскаго Съѣзда старообрядцевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ августѣ 1907 года. Съѣздъ этотъ обсуждалъ проектъ закона и при указаніи своихъ желаемыхъ измѣненій его буквально повторилъ то, что въ отношеніи опредѣленія старообрядческой общины сказано во 2 ст. министерскаго законопроекта ¹⁾.

Этотъ недостатокъ закона, заключающійся въ отсутствіи точнаго и яснаго опредѣленія предмета, для котораго предназначается законъ, придется исправлять предоставленіемъ государственнымъ чиновникамъ всякій разъ самимъ рѣшать, каково религіозное ученіе открывающейся новой общины и насколько она можетъ быть подведена подъ понятіе старообрядческой. По министерскому законопроекту это возлагается на чиновниковъ мѣстныхъ губернскихъ или областныхъ правленій, а по проекту Г. Думы, присутствій по

---

¹⁾ Проектъ закона о старообрядческихъ общинахъ, одобренный VIII Всероссийскимъ Съѣздомъ Старообрядцевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Изданіе Совѣта Всероссийскаго Съѣзда Старообрядцевъ. Москва. 1908 годъ. стр. 3.

дѣламъ объ обществахъ, въ каковыя учрежденія обязаны согласно 7 и 9 ст. обращаться лица, желающіе образовать старообрядческую общину. Въ этихъ учрежденіяхъ придется можетъ быть открыть отдѣльный столъ или даже цѣлое отдѣленіе съ тѣмъ, чтобы чиновники его занимались сортировкой разныхъ религіозныхъ обществъ и для примѣненія къ нимъ новаго закона накладывали бы на нихъ казенный штемпель: „старообрядческое“.

Съ введеніемъ новаго закона, составленнаго министерствомъ и принятаго Г. Думой, въ Россіи должно появиться уже нѣчто въ родѣ казеннаго старообрядчества. До сихъ поръ разные толки старообрядчества смотрѣли на себя, какъ хотѣли, и опредѣленіе ими своего отношенія къ первоначальному старообрядчеству касалось лишь ихъ совѣсти, а отнынѣ, чтобы получить права старообрядческихъ общинъ, имъ придется еще добиваться казеннаго признанія и, очевидно, стараться согласоваться съ тѣмъ понятіемъ старообрядчества, которое сложится въ головахъ чиновниковъ разныхъ губернскихъ и областныхъ правленій.

Вотъ какой цѣной покупается стремленіе добиться для себя особыхъ правъ и настаиваніе на изданіи особаго закона!

Одинъ изъ лѣвыхъ депутатовъ Г. Думы справедливо замѣтилъ, что старообрядцы изъ гонимыхъ желаютъ сдѣлаться опекаемыми, ходатайствуя, чтобы ихъ выдѣлили изъ другихъ сектантовъ и составили для нихъ особый законъ ¹⁾. Депутатъ этотъ упрекалъ затѣмъ старообрядцевъ, что они дѣйствуютъ въ ущербъ другимъ сектантамъ и обнаруживаютъ этимъ нетерпимую точку зрѣнія. Но дѣло, конечно, не въ этомъ, и лежитъ гораздо глубже, въ томъ, что старообрядцы, можетъ быть, безсознательно для самихъ себя даютъ основаніе къ наложенію на нихъ казеннаго штемпеля въ самомъ важномъ вопросѣ, въ отношеніи содержанія ихъ религіознаго ученія.

Со стороны же государства подобное вмѣшательство въ религіозную область, какъ мы уже видѣли, нужно признать неправильнымъ, и оно всего менѣе вытекаетъ изъ принципа свободы совѣсти, понимаемаго какъ въ христіанскомъ, такъ

¹⁾ 112 Засѣданіе Г. Думы. 13 мая 1909 года, стр. 1208

даже и въ его безрелигіозномъ смыслѣ, котораго стараются держаться разныя новыя ученія о государствѣ и къ которому, повидимому, болѣе склонилось Министерство и Г. Дума.

При такихъ условіяхъ составители министерскаго законопроекта могли установить только разрѣшительный порядокъ для образованія старообрядческихъ общинъ. Согласно 9 ст. губернскаго или областнаго правленіе обязано въ теченіе мѣсяца разсмотрѣть поступившее въ него заявленіе объ открытіи общины и затѣмъ или разрѣшаетъ это открытіе или отказывается въ немъ.

Такимъ образомъ для образованія новой общины еще недостаточно, если, наприм. какому-нибудь религіозному реформатору придется въ голову основать особый толкъ. Ему нужно еще получить санкцію на это отъ мѣстнаго губернскаго правленія, которое посмотритъ, что за ученіе онъ придумалъ и не вышелъ ли онъ совсѣмъ за какіе-то точно неизвѣстные предѣлы понятія старообрядчества, долженствующіе однако образоваться въ головахъ чиновниковъ казенныхъ учреждений.

Нечего, конечно, и говорить, что въ разныхъ мѣстахъ обширной Россіи чиновники губернскихъ и областныхъ правленій легко могутъ начать еще руководиться неодинаковыми понятіями о старообрядствѣ, и въ этомъ отношеніи законопроектъ подготовляетъ возможность большой путаницы. При отсутствіи въ законѣ яснаго опредѣленія старообрядчества уже лучше было бы предоставить подведеніе религіозныхъ общинъ подъ понятіе старообрядчества какому-либо одному центральному учрежденію въ Петербургѣ, которое по крайней мѣрѣ могло бы держаться однихъ взглядовъ и не противорѣчить самому себѣ!

Г. Дума совершенно измѣнила 9 ст. проекта исключеніемъ изъ нея указанія, что надлежащее учрежденіе „или разрѣшаетъ образованіе общины или отказывается въ этомъ“. Въ данномъ случаѣ Г. Дума разошлась съ министерствомъ и, повидимому, поддавалась вліянію старообрядцевъ, которые на VIII Всероссийскомъ съѣздѣ 1907 года въ Нижнемъ-Новгородѣ исключили эти слова въ своемъ проектѣ. Г. Дума въ 6 ст. своего проекта почти буквально повторяетъ въ этомъ отношеніи часть 9 статьи проекта старообрядцевъ. Такимъ обра-

зомъ роль правительственнаго учрежденія Г. Дума свела лишь къ регистраціи данной общины. Ну, а кто-же будетъ рѣшать, подходитъ-ли вновь образуемая община подъ понятіе старообрядческой или нѣтъ? Г. Дума, очевидно, упустила изъ виду этотъ основной вопросъ, возникающій по поводу закона. При намѣчаемомъ ею порядкѣ рѣшеніе о принадлежности къ старообрядчеству, повидимому, должно зависѣть всецѣло отъ какого-нибудь религіознаго реформатора, добивающагося открытія новой общины и желающаго пройти подъ вывѣской старообрядчества. Примѣненіе закона о старообрядческихъ общинахъ будетъ предоставлено на усмотрѣніе тѣхъ, кто желаетъ воспользоваться его привилегіями въ своихъ видахъ, а при этихъ условіяхъ подрывается и самое значеніе изданія особаго закона о старообрядцахъ. Задача законодательства отнюдь не ограничивается тѣмъ, чтобы составить разные законы, наприм., одинъ о сектантахъ вообще, а другой о старообрядцахъ, и затѣмъ предоставить каждому на выборъ примѣнять къ себѣ тотъ или другой законъ.

Не настаивать на установленіи разрѣшительнаго порядка открытія старообрядческихъ общинъ министерство не могло и въ виду надѣленія этихъ общинъ и ихъ наставниковъ извѣстными публичными правами и обязанностями. На это обстоятельство старался обратить вниманіе Г. Думы Товарищъ министра Вн. Дѣлъ. „Не забывайте, справедливо говорилъ онъ, что община старообрядческая не есть молитвенное собраніе, не есть общество частное, не есть только юридическое лицо, это лицо отправляющее извѣстную государственную обязанность, ибо на эту общину возлагается чрезвычайно важная, въ высшей степени сложная и очень отвѣтственная обязанность вести чрезъ посредство избираемыхъ ею лицъ книги гражданскаго состоянія старообрядцевъ. И, такъ какъ нигдѣ нѣтъ такого учрежденія, которое отправляло бы государственныя функціи, не имѣя на это прямого препорученія отъ государственной власти, то я считаю, что принципиально всякая община старообрядческая, получающая эти права, должна получать ихъ не иначе, какъ по предварительному разрѣшенію ея бытія государственной властью“¹⁾.

¹⁾ Стенографическій отчетъ. 113 Засѣданіе, 15 мая 1909 г., стр. 1409—1410.

Какое же государство, не усумнившееся въ самомъ себѣ, рѣшится раздавать направо и налево всѣмъ желающимъ публичныя права, связанныя съ общимъ государственнымъ порядкомъ, ясно не уяснивъ себѣ, кому эти права сообщаются, и есть-ли достаточная гарантія, что ими не будутъ злоупотреблять.

Положеніе старообрядческихъ общинъ, устанавливаемое новымъ закономъ, естественно, вызываетъ необходимость контроля надъ ними со стороны государства. Странно, какъ могло не понять этого большинство членовъ Г. Думы!

Законопроектъ министерства въ цѣломъ рядѣ статей 38—58, принятыхъ и Г. Думой, не только предоставляетъ право, но и вмѣняетъ въ обязанность старообрядческимъ общинамъ, веденіе актовъ гражданскаго состоянія. Дѣло это министерство справедливо считаетъ „чрезвычайно важнымъ, въ высшей степени сложнымъ и очень отвѣтственнымъ“. Дѣйствительно, установленіе фактовъ рожденія, вступленія въ бракъ и смерти имѣетъ большое значеніе съ точки зрѣнія многочисленныхъ юридическихъ послѣдствій, которыя съ ними связаны. Поэтому въ интересахъ самого государственнаго порядка необходимо озаботиться о возможно лучшемъ выполнении этого дѣла, чтобы было достаточное основаніе къ довѣрію въ точности и вѣрности установленныхъ фактовъ рожденія, бракосочетанія и смерти. Государство не можетъ отказаться отъ участія въ организациі этого дѣла и поручительства за авторитетъ лицъ, которымъ оно ввѣряетъ это дѣло. Чѣмъ же вызвано возложеніе веденія актовъ гражданскаго состоянія на духовныхъ лицъ старообрядческихъ общинъ?

Оказывается, всего лишь нежеланіемъ старообрядцевъ и сектантовъ участія полиціи въ „священномъ дѣлѣ регистраціи ихъ обрядовъ“ ¹⁾. Это основаніе, повидимому, представлялось министерству настолько важнымъ, что у разныхъ толковъ безпоповщины, не имѣющей особыхъ духовныхъ лицъ, законъ въ 39 ст. возлагаетъ это на избираемыхъ общимъ собраніемъ особыхъ старостъ. И только для какихъ-то сектантовъ, „не признающихъ духовнаго посредническаго на-

¹⁾ Проектъ правилъ о старообрядческихъ и сектанскихъ общинахъ № 4793, стр. 9

чала и отправляющихъ богомоліе всѣмъ собраніемъ“, законъ по разъясненію министерства, сосредоточиваетъ метрикацію въ правительственныхъ учрежденіяхъ, которыми въ городахъ должны быть городскія общественныя управленія, а въ селеніяхъ—волостныя управленія.

Г. Дума нѣсколько пояснила 39 ст. и установила, что въ общинахъ, не приѣмлющихъ священства, веденіе метрическихъ книгъ по постановленіямъ общихъ собраній можетъ, быть возлагаемо или на избираемыхъ ими старостъ или передаваемо въ мѣстныя общественныя учрежденія (58 ст.).

Въ своемъ проектѣ Г. Дума прибавила 77 статью, по которой книги гражданскаго состоянія и вообще старообрядцевъ, не объединенныхъ въ общины по данному закону ведутся при общественныхъ учрежденіяхъ. Этими учрежденіями, согласно 79 ст., въ городахъ будутъ городскія управы или городскіе старосты, въ уѣздахъ волостныя правленія, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ учрежденій или должностныхъ лицъ не установлено, веденіе книгъ возлагается на учрежденія или должностныя лица ихъ замѣняющія.

Но развѣ законодатель можетъ основываться на разныхъ нежеланіяхъ подданныхъ государства? Слѣдуя этому пути придется, наприм., въ отношеніи толка бѣгуновъ не только измѣнить общій для всѣхъ порядокъ выдачи паспортовъ, но и вовсе отмѣнить для нихъ паспорта, какъ печать „вавилонскаго жителя“. И Министерство и Г. Дума сами же указываютъ въ своихъ проектахъ на полную возможность и даже необходимость въ извѣстныхъ случаяхъ передать веденіе метрическихъ книгъ въ мѣстныя общественныя учрежденія. Почему же это не можетъ быть установлено для всѣхъ старообрядцевъ безъ исключенія?

Въ такомъ обширномъ и сложномъ государствѣ, какъ Россія, болѣе чѣмъ гдѣ либо нужно установить однообразіе въ веденіи актовъ гражданскаго состоянія. Возлагать же это на обязанность соотвѣтствующаго духовенства именно и неудобно. Не вездѣ даже можно найти представителей такого духовенства. На громадныхъ пространствахъ Восточной Россіи и особенно Сибири часто не оказывается близко, наприм., католическаго священника или протестантскаго пастора, не говоря уже о духовныхъ лицахъ мелкихъ сектъ. Приходится ожидать случая поѣздки въ большой городъ,

который можетъ наступить и очень не скоро. Но чѣмъ дѣлье не наступаетъ моментъ регистраціи, тѣмъ, конечно, менѣе увѣренности можетъ быть въ точности записи. При условіяхъ русской жизни легко можетъ вовсе не представиться случая для регистраціи, и данное лицо не по своей винѣ можетъ на всю жизнь остаться безъ метрическаго свидѣтельства. Духовныя лица по самому своему положенію едва-ли болѣе другихъ подходятъ къ выполненію такихъ обязанностей какъ регистрація юридическихъ фактовъ. Разнообразіе въ веденіи актовъ гражданскаго состоянія не можетъ не затруднять при опредѣленіи ихъ силы и подлинности. Самымъ удобнымъ способомъ и наиболѣе обезпечивающимъ точность и вѣрность показываемыхъ свѣдѣній представители юридическихъ наукъ считаютъ установленіе для этого одного порядка и передачу веденія актовъ гражданскаго состоянія тѣмъ или другимъ гражданскимъ учрежденіямъ или должностнымъ лицамъ ¹⁾. На этотъ путь уже давно вступили государства Западной Европы, и непонятно, почему въ отношеніи метрикъ и Министерство и Г. Дума не послѣдовали хорошему примѣру ихъ же руководителей по вопросамъ вѣроисповѣдныхъ законовъ.

Вспомнимъ, что община съ ея наставникомъ, на которыхъ законъ возлагаетъ веденіе актовъ гражданскаго состоянія, можетъ быть образована всего лишьъ 50, а по проекту Г. Думы даже 12 человекъ, что старообрядцы вообще не только мало, но часто и совсѣмъ неграмотны, и мы уже заранѣе можемъ представить себѣ, въ какія надежныя руки отдають русскіе законодатели очень важное для государства дѣло.

Министерство, повидимому, смѣшиваетъ регистрацію обрядовъ, которую оно почему-то называетъ даже „священнымъ дѣломъ“, съ веденіемъ актовъ гражданскаго состоянія. Вѣдь никто не препятствуетъ старообрядцамъ выполнять у себя „священное дѣло“ регистраціи обрядовъ какъ они желаютъ, но дѣло веденія актовъ гражданскаго состоянія иное и совершается въ интересахъ государственныхъ.

---

¹⁾ Объ этомъ давно пишутъ даже въ учебникахъ гражданскаго права. См. наприм., Учебникъ гражданскаго права профъ Ф. Шершеневича № 10 и курсъ гражданскаго права § 8.

Вмѣненіе въ обязанность каждой ничтожной общинѣ, признающей духовныхъ лицъ, вести нужные для государства акты гражданскаго состоянія, конечно, вовсе не требуется принципомъ свободы совѣсти. По отношенію же къ нѣкоторымъ старообрядческимъ толкамъ это можетъ скорѣе даже насиловать ихъ совѣсть. Мы уже отмѣтили, какъ недружелюбно приняли бѣглопоповцы въ Россіи распоряженіе о веденіи ихъ духовенствомъ метрикъ, въ качествѣ актовъ гражданскаго состоянія, вызвавшее даже образованіе среди старообрядчества особаго согласія, отвергавшаго метрики какъ ересь.

Нѣчто подобное, по свидѣтельству исторіи, происходило и у заграничныхъ старообрядцевъ, принявшихъ Бѣлокриницкую іерархію.

Когда въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія австрійское правительство потребовало отъ этихъ старообрядцевъ вести метрики, то это обстоятельство вызвало среди нихъ большое неудовольствіе. Австрійское правительство вынуждено было назначить въ Бѣлую Криницу для веденія метрикъ особаго чиновника на содержаніи старообрядцевъ. Послѣ же того какъ часть старообрядцевъ съ ихъ духовенствомъ согласилась принять на себя выполнение этого дѣла, между старообрядцами, признавшими возможность веденія метрикъ, и отвергавшими это, возникли большіе раздоры. Одинъ изъ Браиловскихъ священниковъ Иванъ Юдинъ, прибывъ въ Галацы, заявилъ: „Я считаю бѣлокриницкое священство неправильнымъ и исполненнымъ ересей, потому что оно приняло новшество, душепагубную метрику. Меня не считайте, что я принадлежу къ бѣлокриницкому священству, и кто хочетъ спасенія души и желаетъ избавиться душепагубной метрики, тотъ долженъ удалиться бѣлокриницкаго священства“. Иванъ Юдинъ нашелъ себѣ сторонниковъ, которые рѣшили считать съ этихъ поръ находящимися въ ереси и митрополію и всю бѣлокриницкую іерархію и никакого общенія съ ними не имѣть ¹⁾).

О неудобствѣ обязыванія старообрядческихъ общинъ вести акты гражданскаго состоянія ясно заявляютъ и сами старообрядцы. Всероссийскій съѣздъ ихъ въ Нижнемъ Новго-

¹⁾ Раскольничьи споры о метрикахъ. Н. Субботина.

родѣ въ 1907 году выразилъ желаніе отмѣны той статьи министерскаго законопроекта (ст. 39), по которой возлагается на духовныхъ лицъ, настоятелей и наставниковъ общинъ, веденіе именно актовъ гражданскаго состоянія. Между тѣмъ возможность веденія ими простыхъ записей рожденія, браковъ и смертей тотъ же сѣздъ не отрицаетъ. По крайней мѣрѣ онъ не настаивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ на отмѣнѣ 36 ст. законопроекта, которую онъ повялъ, повидимому, въ смыслѣ требованія обыкновенныхъ записей этихъ событій въ средѣ общины ¹⁾).

Кромѣ того старообрядцами разсланы многимъ членамъ Г. Думы и Г. Совѣта пожеланія ихъ старообрядческой комиссіи. Комиссія эта, по ихъ объясненію, была назначена Освященнымъ соборомъ и работала при участіи на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ ихъ московскаго духовенства. Представителемъ ея состоялъ именующій себя старообрядческимъ епископомъ Рязанскимъ и Егорьевскимъ Александромъ. Отъ имени комиссіи онъ и обратился къ членамъ Г. Думы и Г. Совѣта съ просьбой обратить вниманіе на поправки, которыя, по ихъ мнѣнію, необходимы въ законопроектѣ Министерства Вн. Дѣлъ и Комиссіи по старообрядческимъ вопросамъ Г. Думы.

Въ 58 ст. проекта Г. Думы, по которой веденіе метрическихъ книгъ по постановленіямъ общихъ собраній можетъ быть возлагаемо на особыхъ старостъ или передаваемо въ общественныя учрежденія, сказано, что это относится къ общинамъ, не приѣмлющимъ священства. Старообрядцы просятъ исключить это ограниченіе и распространить право освобожденія отъ веденія метрикъ на всякія общины. Въ законопроектѣ они предлагаютъ указать въ 58 ст. что „веденіе книгъ гражданскаго состоянія можетъ быть возложено Министерствомъ Вн. Дѣлъ по соглашенію съ учрежденіями (или уполномоченными общества) или на духовныхъ лицъ или на особыхъ избираемыхъ обществами старостъ или же на мѣстныя гражданскія власти“.

Усмотрѣнію самихъ общинъ, по мнѣнію старообрядцевъ, слѣдуетъ предоставить избраніе способа веденія книгъ гражданскаго состоянія. „Священники наши, справедливо

¹⁾ Проектъ одобренный VIII сѣздомъ старообрядцевъ, стр. 12 и 13.

замѣчаютъ они, большей частью не получили школьной подготовки, почему веденіе этихъ книгъ для нихъ непосильный трудъ. Между тѣмъ за неисправное только, а не за умышленное веденіе, ихъ ожидаетъ кара вплоть до удаленія отъ должности. Если духовенство Господствующей Церкви, съ среднимъ и высшимъ образованіемъ, старается избавиться отъ этой несвойственной ихъ сану работы, то тѣмъ болѣе не должно навязывать оную нашему малограмотному и неопытному въ этомъ дѣлѣ духовенству. Едва-ли и правительство получить какой толкъ отъ ихъ работы“. Правительство нашло же возможнымъ, обращаютъ вниманіе старообрядцы, предоставить такой порядокъ безпоповцамъ. Справедливость требуетъ этого права и для всѣхъ другихъ старообрядцевъ ¹⁾).

Таковы ясныя желанія и даже ходатайства самихъ старообрядцевъ. Казалось бы, для чего же навязывать старообрядческимъ общинамъ и ихъ малограмотнымъ наставникамъ выполненіе дѣла, которое, по мнѣнію представителей науки и по примѣру Западной Европы должно быть сосредоточено въ гражданскихъ учрежденіяхъ и къ которому сами старообрядцы объявляютъ себя неспособными! Тутъ уже никакимъ формальнымъ принципомъ свободы совѣсти не оправдаешься, какъ бы безсодержательно его ни понимать.

Кто пожелаетъ ознакомиться съ министерскими проектами вѣроисповѣдныхъ законовъ, и особенно съ обсужденіями первыхъ изъ нихъ въ Г. Думѣ въ ихъ цѣломъ, тотъ едва-ли не согласится, что разгадку усиленнаго навязыванія старообрядцамъ веденія казенныхъ метрикъ нужно искать просто въ томъ, что это совершается православнымъ духовенствомъ.

Для включенія въ законъ, наприм., освобожденія старообрядческихъ монаховъ отъ воинской повинности Коммиссія Г. Думы по старообрядческимъ вопросамъ, вмѣсто приведенія какихъ-либо достаточныхъ основаній для этого, прямо указала на фактъ освобожденія отъ воинской повинности монашествующихъ Православной Церкви ²⁾).

¹⁾ Желательныя поправки къ законопроекту о старообрядческихъ общинахъ, и поясненія къ нимъ, присланныя отъ коммиссіи старообрядцевъ. Эта бумага помѣчена: Москва 3 мая 1909 г., № 321. и присоединена къ дѣлу Государственнаго Совѣта

²⁾ Докладъ Коммиссіи. № 412, стр. 6

Но въ отношеніи веденія актовъ гражданскаго состоянія православнымъ духовенствомъ составители министерскаго законопроекта и члены Г. Думы напрасно усматриваютъ какую-то его привилегію. Насколько намъ извѣстно, старообрядцы справедливо указываютъ, что православное духовенство тяготится этой обязанностью, и оно едва-ли будетъ возражать, если эту обязанность государство возложить на какія-либо гражданскія учрежденія и лица.

Между тѣмъ обязательное веденіе общинами и ихъ духовными лицами актовъ гражданскаго состоянія и доставленіе ими свѣдѣній о лицахъ призываемыхъ на военную службу естественно не могло затѣмъ не заставить Министерство допустить извѣстное участіе правительственной власти въ дѣлѣ избранія общинами духовныхъ лицъ и не установить извѣстныхъ условій, болѣе или менѣе обезпечивающихъ порученіе имъ важныхъ функцій.

Дума, уступая, вѣроятно, желаніямъ старообрядцевъ, согласно проекту закона, составленному VIII ихъ Всероссийскимъ съѣздомъ (ст. 29), свела роль правительственной власти лишь къ внесенію въ реестръ избранныхъ общинами духовныхъ лицъ. Не устранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязательное веденіе ими метрикъ и сообщеніе правительству нужныхъ ему свѣдѣній, Г. Дума едва-ли поступила осмотрительно.

Если-бы Г. Дума дѣйствительно руководствовалась, какъ должно, принципомъ свободы совѣсти, не пыталась бы, по примѣру Министерства Вн. Дѣлъ, обратить старообрядческое духовенство въ какихъ-то должностныхъ лицъ государства и вообще наложить на старообрядческія общины казенный штемпель, то и явочный порядокъ открытія общинъ и сведеніе роли правительственныхъ учреждений только къ регистраціи избранныхъ ими духовныхъ лицъ были бы исполнѣ основательны и не могли бы не возбуждать сочувствія.

Въ законопроектѣ Министерства, когда заходитъ рѣчь о духовенствѣ, постоянно употребляются вмѣстѣ слова: „духовныя лица, настоятели и наставники“. Этимъ, повидимому, предполагалось просто обозначить особое положеніе среди старообрядцевъ тѣхъ лицъ, которыя руководятъ ихъ религіозной жизнью, занимаются совершеніемъ молитвъ, отправ-

леніемъ культа, учительста и т. п. Послѣдующія слова настоятели и наставники именно и раскрываютъ собою содержаніе болѣе общаго понятія духовныя лица, но этимъ понятіемъ Министерство не намѣревалось отмѣчать то или другое каноническое и іерархическое достоинство такихъ лицъ. Оно не могло дѣлать этого уже въ силу того обстоятельства, что очень многіе старообрядческіе толки вовсе не имѣютъ іерархіи.

Подъ понятіе „духовныя лица“, употребленное въ законѣ, могли бы подойти и еврейскіе раввины, и татарскіе муллы и вообще даже языческіе жрецы. Въ такомъ смыслѣ, повидимому, объяснялъ это понятіе въ Г. Думѣ и представитель правительства, Товарищъ Министра Вн. Д., назвавшій его описательнымъ выраженіемъ для обозначенія лицъ, стоящихъ во главѣ духовной общины ¹⁾.

Между тѣмъ Комmissія по старообрядческимъ вопросамъ, а за ней и Г. Дума, стремилась подчеркнуть въ проектѣ закона именно извѣстное достоинство духовныхъ лицъ и выраженіе министерства замѣнила выраженіемъ: „священнослужители по старообрядчеству, настоятели, наставники и иныя духовныя лица“. Мало этого, по отношенію къ священнослужителямъ по старообрядчеству Думой предоставлено пользоваться „соотвѣтствующими ихъ сану іерархическими по старообрядчеству наименованіями“ (46 ст.).

Все это сдѣлано было Г. Думой прежде всего подъ очевиднымъ вліяніемъ старообрядцевъ. Въ лицѣ VIII Всероссийскаго ихъ съѣзда въ Нижнемъ Новгородѣ старообрядцы въ своемъ проектѣ закона исключили неопредѣленное описательное выраженіе министерства и замѣнили его тремя словами, указывающими на различное іерархическое достоинство: „священнослужители, настоятели и наставники“, а въ ст. 27 своего проекта они прямо оговариваются, что священнослужители старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, какъ рукоположенные епископами, пользуются соотвѣтствующими ихъ сану іерархическими именами ²⁾. Г. Дума, какъ видимъ, къ слову священнослужители лишь добавила „по старообрядчеству“.

¹⁾ Стенографическій Отчетъ Г. Думы, 111 засѣданіе, 12 мая 1909 г. стр. 1025

²⁾ Проектъ закона, одобренный VIII Всероссийскимъ съѣздомъ старообрядцевъ

Подать поводъ Г. Думѣ къ такой редакціи закона, кромѣ старообрядцевъ, могло и само Министерство Вн. Дѣлъ.

Въ своемъ законопроектѣ оно къ чему то распространило на духовныхъ лицъ старообрядцевъ 1048 ст. т. X ч. I, а также 704 и 712 ст. Устава Угол. Суд. 396 ст. Устава Гражд. Суд. Въ первой изъ нихъ законъ ясно говоритъ о духовномъ отцѣ завѣщателя, т. е. о священно-служителѣ, совершавшемъ надъ нимъ таинство исповѣди. Въ статьѣ 704 уже прямо выражено, что къ свидѣтельству не допускаются *священники* въ отношеніи къ признанію, сдѣланному имъ на исповѣди, а согласно 712 ст. Уст. Уг. Суд. и 396 ст. Уст. Гр. Суд. отъ присяги освобождаются *священно-служители* и монашествующіе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій.

Самое содержаніе всѣхъ этихъ статей закона уже по меньшей мѣрѣ не даетъ основанія къ распространенію ихъ дѣйствія на духовныхъ лицъ старообрядческихъ толковъ, не признающихъ ни таинства исповѣди, ни самой іерархіи. Примѣнять эти статьи ко всякимъ духовнымъ лицамъ безъ разбору значитъ въ извѣстномъ смыслѣ приравнять ихъ къ священно-служителямъ. Правительствующій Сенатъ въ разъясненіе, напр., смысла 704 ст. Уст. Угол. Суд. указалъ, что она имѣетъ въ виду только священниковъ и признанія только на исповѣди. Случаи же обращенія къ священнику, не какъ разрѣшителю грѣховъ властью свойственною его сану, не какъ къ духовнику, а какъ просто къ служителю Церкви, поставленному для исполненія ея обрядовъ и совершенія общественныхъ моленій, при которыхъ священникъ можетъ узнать или услышать о преступленіи, не даютъ основанія къ устраненію его отъ свидѣтельства на судѣ. Иначе подобныя обстоятельства могли бы служить совершенно напраснымъ препятствіемъ къ раскрытію истины дѣла ¹⁾.

Отношенія, возникающія между духовными лицами въ видѣ настоятелей, наставниковъ, начетчиковъ и т. п., не получающихъ іерархическаго посвященія, и членами старообрядческихъ общинъ, особенно же не признающими священства, самое большее можно приравнять лишь къ послѣднимъ случаямъ, указываемымъ Сенатомъ, т. е. къ случаямъ простого обращенія для совершенія тѣхъ или дру-

¹⁾ Рѣшеніе Уголовнаго Кассационнаго Департамента Сената 1894 г. № 2.

гихъ обрядовъ и общественныхъ моленій, полученія духовнаго совѣта и т. п.

Такимъ образомъ Министерство совершенно неправильно, вопреки смыслу закона, распространило его на всѣхъ старообрядческихъ духовныхъ лицъ, да это, какъ видимъ, и не распространеніе существующаго закона, а его измѣненіе или даже извращеніе.

Кромъ того, наприм., нѣкоторое упрощеніе въ порядкѣ совершенія духовныхъ завѣщаній, если въ немъ участвуетъ духовный отецъ завѣщателя, въ интересахъ однообразія и во избѣжаніе нерѣдкихъ недоразумѣній, слѣдовало бы отмѣнить для всякаго духовенства, а не осложнять этотъ порядокъ распространеніемъ его на духовныхъ лицъ, исключаящихъ собою понятіе духовнаго отца. Такая отмѣна, конечно, нисколько не убавила бы достоинства духовенства.

Что же касается освобожденія отъ присяги на судѣ, то вмѣсто примѣненія ко всякимъ старообрядческимъ духовнымъ лицамъ п. 1 ст. 712 Уст. Уг. Суд. и п. 1 ст. 396. Уст. Гр. Суд., къ нимъ не относящагося, слѣдовало бы дополнить въ такомъ смыслѣ п. 2 тѣхъ же статей. На основаніи этого послѣдняго отъ присяги освобождаются лица, принадлежащія къ вѣроученіямъ не приѣмлющимъ присяги. Къ этому можно бы добавить: „а также и разныя духовныя лица религіозныхъ общинъ съ вѣроученіями, воспрещающими присягу такихъ лицъ“.

Наконецъ, Министерство допустило въ своемъ проектѣ не совсѣмъ ясное примѣчаніе къ 27 ст, по которому „среди старообрядцевъ поповщинскихъ согласій ихъ духовныя лица могутъ пользоваться соотвѣтствующимъ старообрядческимъ наименованіемъ“. Что это значитъ здѣсь: „среди старообрядцевъ“? Если законъ имѣетъ въ виду предоставить дѣлать это лишь въ средѣ старообрядцевъ, то онъ излишенъ. Старообрядцы все равно и безъ такого разрѣшенія могутъ называть своихъ духовныхъ лицъ, какъ угодно. Если же Министерство вводитъ эти названія въ законъ, то оно вступаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой.

Стоило членамъ I. Думы, старонникамъ поправокъ коммисіи, во время обсужденія закона обратить вниманіе именно на всѣ эти статьи проекта министерства, значеніе которыхъ, повидимому, не сознавали ясно сами составители, и Товарищъ

Министра Вн. Дѣлъ, отвергавшій отъ имени правительства поправку Г. Думы, оказался бы въ очень затруднительномъ положеніи.

Г. Дума, включивъ въ законъ для обозначенія старообрядческихъ духовныхъ лицъ такія различныя понятія, какъ священно-служители по старообрядчеству, настоятели, наставники, хотѣла, конечно, отмѣтить различіе ихъ достоинствъ, на что рассчитывали и склонившіе къ этому Г. Думу старообрядцы.

Припомнивъ сказанное о принципиальной сторонѣ отношеній между церковью и государствомъ, мы должны признать, что этимъ Г. Дума поступила вопреки основному принципу въ этой области, устанавливаемому современной культурой. Г. Дума, въ качествѣ государственнаго учрежденія, вмѣшалась въ несвойственные ей религіозные вопросы и тѣмъ стала въ противорѣчіе, какъ съ требованіями атеистическаго государства совершенно игнорировать подобныя вопросы, такъ и съ требованіемъ государства христіанскаго—смотрѣть на нихъ лишь глазами господствующей Церкви.

Г. Дума, допустивъ надѣть на себя очки, поднесенныя ей старообрядцами для разсмотрѣнія ихъ духовныхъ лицъ, явно пренебрегла единственно обязательной для нея въ силу основныхъ государственныхъ законовъ точкой зрѣнія Православной Церкви.

Вспомнивъ историческое происхожденіе старообрядчества и его отношенія къ Православной Церкви, нельзя не замѣтить, что Г. Дума въ своей законодательной дѣятельности, можетъ быть безсознательно для себя, чуть-ли не вступаетъ въ извѣстномъ смыслѣ на путь насилій надъ Православной Церковью, о возможности чего по отношенію къ расколу такъ предусмотрительно предупреждалъ русское правительство еще московскій митрополитъ Филаретъ.

Придавать общественное значеніе старообрядческимъ духовнымъ лицамъ, подводить ихъ черезъ гражданскій законъ подъ строго опредѣленное понятіе священно-служителей, и вообще включать въ составъ публичнаго порядка элементы, отрицаемые Православной Церковью и съ своей стороны отрицающіе ее и склонные занять ея мѣсто,—развѣ не значитъ насиловать совѣсть православныхъ людей, обязанныхъ подчиняться государственному порядку? „Принуждать-ли

церковную іерархію, замѣчаетъ митрополитъ Филаретъ, признавать то, что противно церковнымъ правиламъ и ея со-вѣсти? Но это значило бы нарушать государственный въ Россіи законъ, прѣдоставляющій свободу даже нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, и православная іерархія была бы обязана лучше пострадать, нежели подчиниться такому принужденію по слову апостола: „Богу должно повиноваться болѣе, нежели людямъ (Дѣян. V, 29)“¹⁾.

Таковы чувства представителя русской іерархіи и, можетъ быть, миллионовъ русскихъ людей, которыми не должны пренебрегать законодатели по дѣламъ, связаннымъ съ старообрядчествомъ.

Нельзя не отмѣтить, что при обсужденіи въ Г. Думѣ поправки ея комиссіи о введеніи въ законъ выраженія священно-служители по старообрядчеству, ужь слишкомъ бросавшейся въ глаза, Министерство Вн. Д. какъ-будто спохватилось, и едва-ли не въ противорѣчіе съ общимъ направле-ніемъ своего проекта устами Товарища Министра Вн. Д. высказа-ло справедливыя возраженія противъ поправки, которыя должны бы заслуживать полнаго вниманія законодателей.

Товарищъ Министра Вн. Д. хорошо разъяснилъ Г. Думѣ, что священно-служитель не есть описательный терминъ для обозначенія положенія извѣстнаго лица среди его единовѣрцевъ. Терминъ священство есть вполне опредѣленное каноническое понятіе, строго очерченное и въ его внѣшнихъ и внутреннихъ признакахъ и въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя влечетъ за собой это понятіе. Господствующая въ Россіи Православная Церковь признаетъ священство только въ тѣхъ исповѣданіяхъ, въ которыхъ сохранилась іерархія преемствен-ная по рукоположенію отъ св. апостоловъ. Всѣ духовныя лица, именующіяся въ старообрядчествѣ епископами, священниками, діаконами, какъ въ глазахъ нашей, такъ и церквей восточныхъ, суть простые міряне. При такихъ условіяхъ закрѣпленіе въ законѣ за ними наименованія священно-служителей въ особенностяхъ нашего государственнаго строя, покоющагося на тѣсномъ единеніи съ Православной Церковью, и въ которомъ глава государства есть по Основнымъ законамъ Имперіи хранитель догматовъ Господствующей

¹⁾ Собраніе мнѣній и отзывовъ. т V, ч. 2, стр 496. Москва. 1888 г.

Церкви, равносильно было бы не чему иному, какъ разрѣшенію важнѣйшаго каноническаго вопроса путемъ государственнаго закона. Послѣ такого измѣненія закона стало бы совершенно очевиднымъ и яснымъ для массы населенія, что Церковь признала въ старообрядчествѣ существованіе священно-служительской іерархіи. Но такъ какъ старообрядчество не есть особое исповѣданіе, а смотритъ на себя, какъ на православіе, то въ результатъ такого измѣненія закона явилось бы образованіе рядомъ двухъ совершенно самостоятельныхъ іерархій, признающихъ себя православными, т. е., иначе говоря, уничтоженіе того первенствующаго положенія, которое дано Православной Церкви основными законами имперіи ¹⁾.

Нужно очень сожалѣть, что Министерство Вн. Дѣлъ не держалось подобной точки зрѣнія раньше, при составленіи самого проекта закона и, повидимому, не руководилось ею во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ со старообрядчествомъ.

Среди членовъ Г. Думы также оказались лица, которыя старались убѣдить въ невозможности вводить въ законъ о старообрядцахъ понятіе священства, не признаннаго Православной Церковью, и указывали, что это можетъ произвести путаницу въ русскомъ народномъ церковномъ пониманіи ²⁾. Но въ умахъ большинства депутатовъ всѣ эти соображенія потонули безслѣдно несмотря на крайнюю поверхностность ихъ опроверженій, отвлекающихъ вниманіе отъ главной принципиальной стороны вопроса. Двое депутатовъ, наприм., серьезно указывали, что народъ сумѣетъ различить старообрядческаго московскаго архіепископа отъ православнаго московскаго митрополита ³⁾. Но развѣ вопросъ исчерпывается возможностью такого смѣшенія? Русскій государственный порядокъ, признавая права и общественное значеніе за православнымъ московскимъ митрополитомъ, становится въ противорѣчіе съ самимъ собой, признавая одновременно и старообрядческаго московскаго архіепископа, отрицающаго православнаго митро-

¹⁾ Стенографическій отчетъ Г. Думы, 111 засѣданіе, 12 мая 1909 года, стр. 1025—1026.

²⁾ 111 засѣданіе, стр. 1022, 1105, и 112 засѣданіе, 13 мая 1909 года, стр. 1258

³⁾ Стенографическій Отчетъ Г. Думы, 112 засѣданіе, 13 мая 1909 г., стр. 1221, и 113 засѣданіе 18 мая 1909 г., стр. 1382.

полита. И, конечно, такое раздвоеніе въ государственномъ порядкѣ не можетъ не отразиться вредно на народѣ, особенно русскомъ.

Предупредить именно это, повидимому, имѣлъ въ виду и Высочайшій Указъ Сенату 17 апрѣля 1905 года. Въ п. 9 Указа предоставлено присвоить духовнымъ лицамъ, избираемымъ общинами старообрядцевъ, наименованіе настоятелей и наставниковъ, при чемъ прямо воспрещено употреблять по отношенію къ нимъ „православныя іерархическія наименованія“.

Но вѣдь мы къ слову „священнослужители прибавили по старообрядчеству“, оправдываются нѣкоторые депутаты. Однако это какъ разъ и значить самовольно расширять объемъ церковнаго понятія священнослужители. Понятіе это сложилось въ нѣдрахъ христіанской Церкви и существенными признаками его мыслятся принадлежность къ Церкви и полученіе рукоположенія по преемству отъ апостоловъ. Употребляющіе выраженіе: „священнослужитель по старообрядчеству“, тѣмъ самымъ или подразумеваютъ, что старообрядцы принадлежатъ къ Церкви и имѣютъ настоящую іерархію, или же впадаютъ въ логическую ошибку, соединяя несходныя понятія.

Но о принадлежности къ Церкви сами старообрядцы говорятъ въ отрицательномъ смыслѣ, а спорный вопросъ объ ихъ іерархіи лежитъ внѣ компетенціи Г. Думы. Поэтому Г. Дума не имѣетъ права вводить въ законъ рассматриваемое выраженіе съ такой точки зрѣнія. Если же Г. Дума употребила это выраженіе безъ достаточнаго вниманія въ его смыслъ, то вѣдь въ этомъ случаѣ можно будетъ дойти до того, что со временемъ включить въ законъ выраженія „священнослужители по магометанству“, священнослужители по язычеству, и т. д. Но для людей, привыкшихъ пользоваться словами сознательно, а не механически, подобныя сочетанія могутъ напоминать, напр. выраженія, инженеръ по поэзіи, врачъ по живописи и т. п., всего менѣе допустимыя въ государственныхъ законахъ.

По отношенію именно къ вопросу о введеніи названія священнослужителей по старообрядчеству всетаки раздался справедливый голосъ одного депутата, что Г. Думѣ въ виду сложности вопроса и невозможности самодержавно рѣшать

его нужно выслушать сначала голосъ Православной Церкви въ лицѣ собора. „Нужно прямо и откровенно сказать, говорилъ этотъ депутатъ, имѣемъ-ли мы такое право съ церковной точки зрѣнія или не имѣемъ его. Если вы пристегнете къ слову священнослужитель, хотя бы слово по старообрядчеству, то все-таки вы взяли то слово священнослужитель, которое по канонамъ Церкви можетъ быть не приемлемо. Я не предрѣшаю этого, я готовъ склониться охотно, если Православная Церковь найдетъ возможнымъ наименовать ихъ такъ. Русскій законъ нисколько не возбраняетъ и не препятствуетъ именоваться имъ такъ между собой этимъ названіемъ церковной іерархіи, но узаконивать ихъ русское государство не имѣетъ права, пока не освѣтили этого вопроса съ духовной православной точки зрѣнія“¹⁾

Такъ слѣдовало бы разсуждать Г. Думѣ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, связанныхъ съ религіей, и не пытаться присваивать себѣ какую-то суверенную роль въ этой области.

Одинъ изъ депутатовъ, поддерживавшій разсматриваемую поправку Г. Думы, старался затѣмъ отвлечь вниманіе въ другую сторону и указывалъ, что догматы господствующей Церкви не могутъ быть затронуты чужими толкованіями, и каковы бы ни были эти толкованія, ученіе Церкви о священствѣ остается неизмѣнимымъ²⁾. Но депутатъ, очевидно, смѣшала вопросъ объ отношеніи чужихъ толкованій къ догматамъ Церкви и объ узаконеніи этихъ толкованій для общественной жизни. Законодатель не можетъ безъ вреда для общественной жизни узаконять въ нравственно - духовной области явленія, противорѣчащія и отрицающія одно другое.

Если допущено употребленіе термина духовныя лица, разсуждаетъ тотъ же депутатъ, то всего правильнѣе будетъ называть „священнослужителей“ каждой группы такъ, какъ они называютъ себя сами³⁾ ..

Но объемъ понятія священнослужители гораздо уже, и употребленіе термина духовное лицо еще далеко не даетъ права примѣнять къ нему и понятіе священнослужителя. Если же законодатель долженъ вводить въ законъ тѣ назва-

1) 113 засѣданіе Г. Думы, 15 мая 1909 г., стр. 1357.

2) 112 засѣданіе, 15 мая 1909 г., стр. 1220.

3) Тамъ же, стр. 1221

нія, которыя присвоиваетъ себѣ каждая религіозная группа, то съ распространеніемъ въ Россіи, наприм. очень извѣстной въ Европѣ „Арміи спасенія“ придется для обозначенія разныхъ руководителей этой секты ввести въ законъ и паспорта такія наименованія, какъ „генераль арміи спасенія“, „полковникъ арміи спасенія“ и т. п. Но едва-ли какое-нибудь государство найдетъ это возможнымъ!

Съ другой стороны въ Россіи появляются иногда, наприм., такія секты, главы которыхъ объявляютъ себя не болѣе ни менѣе какъ воплотившимся Христомъ и находятъ послѣдователей, соглашающихся съ ними.

Въ XVIII вѣкѣ въ Тамбовской губерніи распространялъ секту крестьянинъ Иларіонъ Побирохинъ, назвавшій себя сыномъ божіимъ, имѣющимъ въ послѣдствіи судить вселенную. Въ концѣ тогоже вѣка выступилъ на сцену отставной капраль Савелій Капустинъ, присвоившій себѣ такое же наименование и требовавшій божескаго поклоненія, которое и воздавали ему темные люди ¹⁾. Это не были какіе-нибудь исключительные случаи. На почвѣ сектантства они, повидимому, имѣютъ какую-то тенденцію повторяться. Еще недавно, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Кіевской губерніи провозгласилъ себя Христомъ мѣшанинъ города Таращи Кондратій Малеванный, который сдѣлался предметомъ богопочитанія не 10 или 12 совершеннолѣтнихъ людей, достаточныхъ для образованія отдѣльной религіозной общины, а нѣсколькихъ сотъ человекъ ²⁾. И что же, слѣдуя соображеніямъ нѣкоторыхъ членовъ Г. Думы, можно, для обозначенія положенія, занимаемаго такими лицами въ сектѣ, включить это наименование въ законъ и въ паспорта? Но вѣдь это помимо нелѣпости было бы и явнымъ государственнымъ кощунствомъ по отношенію къ личности Христа Спасителя!

Тѣ же самые старообрядцы, которые хлопотали о включеніи въ законъ наименованія священнослужители, просили и

¹⁾ П. Оболенскій. Краткая исторія рационалистическихъ сектъ. Приложение къ книгѣ. Критическій разборъ вѣроисповѣданія русскихъ сектантовъ—рационалистовъ. Казань. 1903 года, стр. 409.

²⁾ Православный Миссіонерскій Календарь Спб. 1902 года, стр. 260.

о замѣнѣ въ законопроектѣ слова „община“—словомъ „приходъ“¹⁾.

Однако же Г. Дума не согласилась на это. Почему?—Вѣдь, внимая мольбамъ старообрядцевъ и допуская въ законѣ названія, употребляемыя ими въ обиходѣ, слѣдовало бы ввести въ законопроектъ и слово „приходъ“.

Неясность принципиальной стороны вѣроисповѣдныхъ законовъ Министерства Вн. Дѣлъ и неудобства разсматривать отдѣльно законъ о старообрядческихъ общинахъ очень ясно сказались также въ вопросѣ о предоставленіи старообрядческимъ толкамъ права всюду свободно пропагандировать свое ученіе.

Много возраженій, не исключая и самого Министерства, вызвала поправка Г. Думы, внесенная въ этомъ смыслѣ въ проектъ Министерства. Но, если не ограничивать своего вниманія законопроектомъ Министерства за № 4793, а прочитать, наприм., и законопроектъ за № 1479, то само Министерство изъ принципа свободы совѣсти выводитъ „право каждаго лица заявлять свою вѣру и убѣждать неприннадлежащихъ къ ней принять исповѣдываемое имъ вѣроученіе, если уголовные законы не нарушаются содержаніемъ исповѣданія“. Разрѣшеніе государствомъ права свободной проповѣди и привлеченія послѣдователей для одной Православной Церкви Министерство разсматриваетъ какъ привилегію Церкви, и она является, по его утвержденію, „существеннымъ нарушеніемъ возвѣщеннаго начала свободы совѣсти“. Ограниченіе въ проповѣди для всѣхъ другихъ ставитъ христіанина въ противорѣчіе со своею совѣстью. „Христіанинъ, посвящая одинъ членъ Г. Думы, опиравшійся на проектъ самого министерства, слѣдуя завѣту Спасителя: „шедше убо научите всѣ языки“, долженъ изъяснять и излагать свое вѣроученіе, а здѣсь вы ему говорите: мы тебѣ даемъ свободу совѣсти, но завѣтовъ Христа, завѣтовъ Главы твоего ученія, ты исполнять не можешь“²⁾. Въ заключеніе разныхъ своихъ соображеній министерство пришло къ выводу, что „въ виду несоотвѣтствія ограниченій въ правѣ пропаганды дарован-

1) Желательныя поправки къ законопроекту о старообрядческихъ общинахъ. стр. 4.

2) 111 засѣданіе Г. Думы, 12 мая 1909 г., стр. 1043.

ной населенію Манифестомъ 17 октября свободѣ совѣсти Министерство Вн. Дѣлъ полагало бы предоставить право проповѣди всѣмъ признаннымъ въ Имперіи вѣроисповѣданіямъ, а въ томъ числѣ и старообрядчеству, и отнавшимъ отъ православія сектамъ“ ¹⁾.

Мало этого, по свидѣтельству одного изъ депутатовъ въ Г. Думѣ, представитель министерства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Владиміровъ въ Комиссіи по вѣроисповѣднымъ вопросамъ 5 марта 1908 года заявилъ, что министерство не беретъ на себя разрѣшенія вопроса о предѣлахъ свободы пропаганды и предоставляетъ его всецѣло усмотрѣнію народныхъ представителей, при чемъ противъ тѣхъ или другихъ стѣсненій или расширеній этой свободы сравнительно съ предположеніями проекта Министерство возражать не будетъ ²⁾.

Такимъ образомъ, естественно, что лица, настаивавшія въ Г. Думѣ на включеніе въ проектъ права о свободѣ проповѣдыванія, ссылались на соображенія самого же Министерства, которыя вѣроятно прежде всего и дали поводъ къ внесенію поправки. Одинъ изъ членовъ Г. Думы прямо указывалъ, что въ основаніе предоставленія старообрядцамъ права проповѣданія положены соображенія, что исповѣданіе вѣры не отдѣлимо отъ понятія проповѣданія ни логически ни нравственно, потому что проповѣданіе составляетъ неотдѣлимую часть самого исповѣданія и для исповѣдующихъ извѣстное вѣроученіе является ихъ обязанностью, не отдѣлимо и юридически, потому что между исповѣданіемъ и проповѣданіемъ невозможно провести строгой и опредѣленной черты ³⁾.

Въ этихъ словахъ ясно слышенъ отзывъ соображеній самого же Министерства. При такихъ условіяхъ едва ли въ удобномъ положеніи оказался Товарищъ Министра Вн. Дѣлъ, отвергавшій поправку Г. Думы ⁴⁾, и слова его, какъ представителя того вѣдомства, которое годъ тому назадъ само разсуждало иначе, конечно, не могли произвести достаточнаго впечатлѣнія.

¹⁾ Законопроектъ объ отношеніи государства къ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ № 1479 стр. 15.

²⁾ 112 засѣданіе Г. Думы, 13 мая 1909 г., стр. 1294

³⁾ 111 засѣданіе 12 мая 1909 г., стр. 1008.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 1027—1029

Во всякомъ случаѣ возраженія Министра Вн. Д. противъ Г. Думы въ законопроектѣ о старообрядческихъ общинахъ ясно показываютъ, что при составленіи вѣроисповѣдныхъ законопроектвъ Министерство недостаточно уяснило себѣ многіе основные принципиальные вопросы и легко впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. А уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ о необходимости переработки всѣхъ его законопроектвъ, при участіи болѣе широкаго круга лицъ, а не однихъ чиновниковъ. Исправленіе этихъ законопроектвъ, сдѣланныхъ очевидно слишкомъ поспѣшно и людьми мало знакомыми съ дѣломъ, не можетъ ограничиваться разными частичными поправками, а требуетъ обоснованія самыхъ законовъ на ясныхъ и правильныхъ принципахъ ¹⁾.

Обращаясь къ приведеннымъ выше соображеніямъ Министерства, мы видимъ, что самый принципъ свободы совѣсти оно понимаетъ безсодержательно и готово свести его только къ уравниванію правъ одинаковыхъ для государства религіозныхъ величинъ, выражающихся лишь въ совокупности представленій о Божествѣ живущихъ въ данное время людей, на что отчасти мы уже обращали вниманіе и ранѣе.

Но вѣдь, если религія есть только совокупность моихъ личныхъ представленій о Божествѣ, а я, какъ показываетъ ежедневный опытъ, могу ошибаться даже въ болѣе простыхъ и низшихъ сферахъ жизни, то какимъ образомъ религіозная совѣсть можетъ обязывать меня къ непремѣнному распространенію моихъ воззрѣній и навязывать другимъ результаты своихъ ограниченныхъ и, можетъ быть, даже ошибочныхъ соображеній. Какимъ образомъ затѣмъ ограниченіе въ проповѣданіи другимъ своихъ личныхъ воззрѣній поставить меня въ противорѣчіе съ своей совѣстью?

¹⁾ Насколько странно велось вообще все дѣло вѣроисповѣднаго законодательства и на какомъ уровнѣ знанія и пониманія предмета стояли руководившіе имъ лица, а въ томъ числѣ и состоявшій въ должности Директора Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій Министерства Вн. Дѣлъ г. Владиміровъ, между прочимъ отмѣчаетъ для будущаго историка въ своихъ запискахъ покойный членъ Государственнаго Совѣта Шванебахъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этихъ запискахъ, дѣлаютъ вполне понятнымъ самую возможность большихъ недостатковъ и даже ошибокъ въ проектѣ вѣроисповѣдныхъ законовъ и тѣмъ сильнѣе вызываютъ о необходимости ихъ полнаго пересмотра.

При взглядѣ на религію, полагаемомъ Министерствомъ въ основаніе своего законодательства, у человѣка, желающаго сознательно и съ спокойной совѣстью относиться къ своей дѣятельности, скорѣе должна пропасть энергія ко всеобщему распространенію своего религіознаго ученія. Во всякомъ случаѣ при такихъ условіяхъ изъ самого принципа свободы совѣсти вовсе не вытекаетъ, какъ утверждаетъ Министерство, право каждаго лица всюду пропагандировать свои взгляды. Вѣдь само же Министерство находитъ, что человѣкъ можетъ быть носителемъ такихъ религіозныхъ взглядовъ, что они нарушаютъ даже уголовные законы.

Подмѣнивая христіанское понятіе религіи понятіемъ другимъ и чисто индивидуалистическимъ, тѣмъ не менѣе Министерство, а за нимъ и многіе члены Г. Думы, для обоснованія своихъ соображеній о правѣ религіозной пропаганды рѣшались ссылаться на Божескій законъ ¹⁾ и даже на выхваченныя изъ Евангелія слова Христа, „идите, научите всѣ народы“ ²⁾.

Такой пріемъ въ отношеніи христіанства все болѣе и болѣе распространяется среди человѣчества и несмотря на его логическую неправильность, сознательно или безсознательно незамѣчаемую, имъ нерѣдко прикрываются для оправданія во имя христіанства разныхъ человѣческихъ измышленій и даже иныхъ по существу антихристіанскихъ стремленій.

Неужели же слова Спасителя идти и учить всѣ народы, обращенныя къ 11 апостоламъ, могутъ относиться къ представителямъ всякихъ религій? Неужели ихъ можно примѣнить, наприм., къ людямъ, вздумавшимъ по своему преобразовывать христіанство, къ лицамъ, считающимъ религію лишь совокупностью своихъ представленій о Божествѣ, къ сектамъ, отрицающимъ Церковь и таинства, къ старообрядческимъ толкамъ, полагающимъ спасеніе души въ моленіи двумя перстами, въ начертаніи имени Христа Исусъ, а не Іисусъ и т. д. и т. д.?

Отдѣльныя слова Христа, стоящія, безъ сомнѣнія, въ тѣсной связи со всѣмъ Его ученіемъ и жизнью, конечно, не могутъ быть по произволу вырываемы изъ того цѣлаго, ко-

¹⁾ 111 засѣданіе Г. Думы, 12 мая 1909 г., стр. 1090.

²⁾ Тамъ же, стр. 1043.

торое дано намъ въ Евангеліи и въ св. Писаніи вообще. Они должны быть понимаемы въ связи со всей христіанской жизнью и, конечно, въ связи съ самыми основаніями христіанской религіи.

Христіанство, въ лицѣ своего великаго представителя, какъ извѣстно, объявило міру, что, еслибы даже апостолы или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать не то, что они благовѣствовали, да будетъ анаѳема (Гал. 1, 8). Поэтому и повелѣніе Спасителя идти и учить людей можетъ относиться только къ тѣмъ, которые прежде всего поддерживаютъ непрерывную живую связь и преемство духа съ источникомъ христіанства, для чего Спасителемъ и основана Церковь. Только въ единеніи съ Церковью человекъ не рискуетъ выдать за христіанство собственныя измышленія и подъ видомъ хлѣба дать людямъ камень.

Но мало этого, даже и по отношенію къ лицамъ, сохранившимъ связь съ Церковью, христіанство требуетъ отъ нихъ твердаго исповѣданія вѣры, вовсе не требуя отъ всѣхъ непремѣннаго ея проповѣдыванія. По разъясненію апостола, не всѣ христіане должны смотрѣть на себя, какъ на учителей ¹⁾. Это даръ и способность, свойственная далеко не каждому. Другой апостолъ прямо убѣждаетъ, чтобы не многіе дѣлались учителями ²⁾. Такимъ образомъ христіанство, не говоря уже о другихъ религіяхъ, даже въ отношеніи своихъ послѣдователей вовсе не соединяетъ непремѣнно исповѣданіе вѣры съ ея проповѣданіемъ.

Поэтому утвержденіе одного изъ депутатовъ, что эти два понятія не раздѣлимы ни логически, ни нравственно и ни юридически, неправильно, и основано, вѣроятно, на какомъ-то особомъ, а не христіанскомъ представленіи о религіи. Исповѣданіе и проповѣданіе вѣры раздѣлимы логически, потому что это не одно, а два разныя понятія. Они раздѣлимы нравственно, потому что обязанность проповѣданія требуетъ особыхъ нравственно-духовныхъ силъ и, какъ ясно отмѣчаетъ самъ апостолъ, соединено съ большою нравственною отвѣтственностью ³⁾. Они раздѣлимы наконецъ юридически,

¹⁾ 1 Посланіе къ Коринѳянамъ XII, 28—29.

²⁾ Посланіе ап. Іакова III, 1.

³⁾ Тамъ же, III, 1

потому что, останавливаясь на содержаніи этихъ понятій, между ними можно провести опредѣленную черту, и они выражаются въ разныхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ.

Основные соображенія законодателей въ пользу разрѣшенія религіозной пропаганды, какъ видимъ, очень шатки и возбуждаютъ большія сомнѣнія.

Въ качествѣ, вѣроятно, уже дополнительныхъ соображеній, многіе депутаты указывали, что добавленіе въ законъ о свободѣ проповѣданія нужно для огражденія старообрядцевъ отъ произвола разныхъ представителей власти, министровъ, губернаторовъ, исправниковъ, станovýchъ и т. д. Аргументъ этотъ по многимъ вопросамъ сдѣлался уже обычнымъ въ Г. Думѣ, и на него не разъ опирались и при разсмотрѣніи даннаго закона ¹⁾. Но частое выдвиганіе подобнаго аргумента затемняетъ болѣе важную принципиальную сторону вопроса и приучаетъ довольствоваться рѣшеніемъ дѣла „по обстоятельствамъ“, да еще такимъ, которыя имѣли мѣсто ранѣе и уничтожить которыя стремится новый государственный строй.

Правда, на очень многихъ современныхъ общественныхъ дѣятеляхъ ясно сказываются разнаго рода вліянія прежняго строя, при которомъ они воспитаны. Между прочимъ души ихъ очень наполнены непріятными воспоминаніями ихъ личной жизни, связанными съ полиціей, съ арестами, съ каташками, съ высылками, и все это еще давить на ихъ сознаніе подобно, наприм., слишкомъ яркимъ впечатлѣніямъ тяжелаго сна. Но людямъ, призваннымъ къ участию въ законодательствѣ, нужно шире смотрѣть на жизнь, выйти за предѣлы личныхъ воспоминаній и не забывать, что законы составляются на будущее, а не на прошлое время, что одной изъ первыхъ задачъ современныхъ законодателей является проведеніе законовъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ за допущеніе произвола и другихъ неправильныхъ дѣйствій. Если члены Г. Думы находятъ, что такихъ законовъ нѣтъ или они недостаточны, то членамъ Г. Думы прежде всего слѣдовало бы заняться ими и тѣмъ оградить отъ произвола и неправильныхъ дѣйствій властей. Иначе русскіе законодатели сами ставятъ себя въ странное и даже

---

¹⁾ 113 засѣданіе Г. Думы, 15 мая 1909 г., стр. 1369, 1381 и 13 мая 1909 г., стр. 1278.

смѣшное положеніе. Призванные къ нормированію общественной жизни по извѣстнымъ новымъ принципамъ, они постоянно вспоминаютъ, что случалось ранѣе, и сами подрываютъ значеніе своей дѣятельности указаніями, что издаваемые ими законы будутъ извращаемы исполнителями. Или наша государственность совершенно разваливается, и тогда прежде всего необходимы какія-либо общія мѣры, или же членамъ Г. Думы нужно получше взвѣшивать свои соображенія и слова, и не кричать на весь міръ, что въ Россіи чиновники, въ качествѣ разныхъ представителей государственной власти, навѣрное и впредь будутъ поступать вопреки намѣренію законодателей!

Нѣкоторые депутаты пытались затѣмъ оправдывать поправку Г. Думы ссылкой на то, что пропаганда все равно была, есть и будетъ, что фактически ей не только нельзя воспрепятствовать, но отъ всякихъ запрещеній она даже усиливается ¹⁾.

Но развѣ тотъ или иной фактъ въ человѣческой жизни самъ по себѣ вызываетъ уже необходимость его узаконенія? Факты эти бываютъ очень различны. Вѣдь, наприм., и убійство, и кража и развратъ, какъ факты, всегда были, есть и будутъ,—и что-же, они могутъ быть допустимы закономъ? Обязанность законодателя прежде всего оцѣнить значеніе факта для общественной жизни, а уже затѣмъ признавать за нимъ въ законѣ право на существованіе. Поступать же наоборотъ, исходить изъ существованія факта для признанія его публичнымъ порядкомъ, часто будетъ приводить къ подрыву законодательной дѣятельности и извращать самую ея задачи. Тогда могутъ потребовать узаконенія и самыхъ печальныхъ фактовъ человѣческой жизни.

Совершенно невѣрно также и дальнѣйшее утвержденіе, что законъ не можетъ воспрепятствовать появленію факта въ жизни людей. Оно противорѣчитъ вѣковому сознанію и опыту всего человѣчества. Государства всегда издавали уголовные и другіе законы, направленные противъ извѣстныхъ фактовъ, и до сихъ поръ не отказываются отъ борьбы этимъ путемъ съ фактами, нарушающими интересы общественной жизни и государственный порядокъ.

¹⁾ 112 засѣданіе, 13 мая 1909 г., стр. 1272

Что же касается упоминанія, будто бы религиозная пропаганда усиливается запрещеніями, вводимыми въ законъ, то это по меньшей мѣрѣ ничѣмъ не доказано. Правда, воспрещеніе открытой публичной пропаганды нерѣдко гонить ее въ скрытыя мѣста и заставляетъ пользоваться тайными способами, но чтобы это вообще усиливало всякую религиозную пропаганду и способствовало ея дѣлу, ни откуда не видно. Обыкновенно въ этомъ случаѣ останавливаютъ вниманіе лишь на исторіи христіанства, которое несмотря на всякія запрещенія и даже гоненія сохранилось и покорило цивилизованный міръ. Но здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду многія религиозныя общества со слабой жизненной силой, каковы большинство сектантскихъ. Не находя благоприятныхъ внѣшнихъ условій для своего существованія, общества эти обыкновенно болѣе или менѣе скоро исчезали.

Наконецъ, въ пользу предоставленія старообрядцамъ свободной пропаганды, иные депутаты пробовали основываться на интересахъ самой же Церкви. Отсутствие посторонней пропаганды, по ихъ мнѣнію, усыпляетъ церковную іерархію. Воспрещеніе ея создаетъ вредную для Церкви привилегію и охрану, а разрѣшеніе пропаганды выдвигаетъ на сцену религиозный вопросъ въ качествѣ живого, и будетъ изгонять религиозный индифферентизмъ, которымъ заражено современное общество и Г. Дума ¹⁾.

Едва-ли когда-нибудь случалось ранѣе, чтобы государство подъ флагомъ благодѣянія для самой Церкви старалось создать благоприятныя условія для религиозной пропаганды, направленной именно противъ этой Церкви! Такія соображенія свойственны, вѣроятно, лишь русскому уму, разорвавшему нравственно-духовную связь съ Церковью и поддавшемуся вліянію религиознаго индифферентизма!

Интересно бы знать, какъ представляютъ себѣ эти депутаты Церковь? Вѣдь Церковь не совпадаетъ съ понятіемъ іерархіи и ея дѣятельности. Кромѣ духовенства, въ организмъ Церкви входитъ множество людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ духовнаго развитія. Въ ней немало людей, напоминающихъ, по выраженію апостола, младенцевъ, кото-

---

¹⁾ 112 засѣданіе Г. Думы, стр. 1272 и 111 засѣданіе, стр. 1090

рые легко „увлекаются всякимъ вѣтромъ ученія по лукавству челоуѣковъ, по хитрому искусству оболещенія“¹⁾.

Этихъ младенцевъ во Христѣ нужно еще питать молокомъ, а не твердою пищею²⁾ и беречь отъ вредныхъ влiянiй. Много затѣмъ найдется въ Церкви людей, подобныхъ трости надломленной и льну курящемуся³⁾, въ которыхъ огонь духовной жизни едва тлѣетъ, и часто не трудно бываетъ вовсе погасить эту искру влiянiями, противными Церкви.

Поэтому, еслибы iерархiя даже и находилась въ сонномъ состоянiи, то это еще нисколько не оправдываетъ допущенiя открытыхъ выступленiй противъ Церкви, которыя могутъ соблазнить немало слабыхъ людей уже просто потому, что для iерархiи, да еще привыкшей спать, по утвержденiю депутатовъ, оказывается невозможнымъ усмотрѣть за всѣмъ народомъ. А для Церкви дороги не только совершенные въ вѣрѣ и горящiе духомъ, но и младенцы во Христѣ и подобные трости надломленной и льну курящемуся.

Кромѣ того, на какомъ основанiи члены Г. Думы порѣшили, что основной причиной усиленiя русскаго iерархiи является отсутствiе допущенiя въ законѣ всякаго рода антицерковной пропаганды?

Правда, въ пастырской дѣятельности русскаго духовенства обнаруживаются важные недостатки. Оно потеряло должную связь съ народомъ, почти совсѣмъ выпустило изъ своихъ рукъ руководство религiозною мыслію общества, отвѣчающей его современнымъ потребностямъ, пастырство свое оно принесло въ жертву дѣятельности церковно-административной, напоминающей занятiе чиновниковъ. Особенно въ ненормальномъ положенiи оказываются русскiе епископы. Они далеки не только отъ народа, но и разъединены съ прочимъ духовенствомъ, выступая передъ ихъ сознанiемъ почти лишь какъ „епархiальные начальники“. Если не считать совершенiя епископами богослуженiя, да и то гдѣ-то въ одномъ городѣ обширной губернiи съ миллионнымъ населенiемъ, то всѣ отношенiя между ними и духовенствомъ и народомъ обыкновенно исчерпываются проявленiями адми-

1) Посланiе къ Ефесянамъ V, 14.

2) Посланiе къ Евреямъ V, 12—14 и 1 Коринѣ. III, 1.

3) Мате. XII, 20.

нистративной власти и бюрократической дѣятельности епископовъ ¹⁾).

Но всѣ эти недостатки во многомъ связаны съ самимъ церковнымъ строемъ, уже давно требующимъ большихъ преобразований, и прибавленіе къ нимъ еще открытой антиправославной пропаганды неужели можно серьезно разсматривать, какъ дѣйствіе, направленное ко благу Православной Церкви?

Н. Кузнецовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Н. Д. Кузнецовъ Преобразования въ Русской Церкви Москва 1906 г
гл. IV, а также Церковь, духовенство и общество Москва 1905 г